

Многие люди ошибочно предполагают, что в СССР был коммунизм. Однако в СССР даже социализм был не в полной мере (хотя и в значительно большей, чем во всех других странах). Социализм же, согласно марксистской традиции, — переходная стадия к коммунистической формации, а не она сама. Я, правда, с традицией не согласен, — по моему мнению, социализм и сам по себе является формацией, а не просто переходной стадией, — но и по моему мнению тоже социализм и коммунизм — разные вещи.

Поэтому неверно представлять коммунизм как «то, что было в СССР». Нет, Хрущёв, конечно, скорее наступление коммунизма обещал, но даже у него язык не поворачивался объявить свою современность — реализацией коммунистического строя.

Подробного описания коммунизма никто и никогда не давал. Был известен лишь некоторый набор свойств, которыми коммунизм должен с необходимостью или хотя бы с высокой вероятностью обладать.

Изначально, правда, свойство было всего одно: отсутствие частной собственности на средства производства, включая землю. Но потом постепенно это свойство превратилось в определение социализма, к которому были добавлены ещё ряд обязательных социальных благ — бесплатная медицина, образование, жильё, отсутствие безработицы, равенство и братство, — а коммунизм получил набор дополнительных свойств, при социализме либо не реализуемых вообще, либо реализуемых лишь частично.

1. При коммунизме не будет денег
2. При коммунизме отомрёт государство
3. При коммунизме общественное и частное сольются воедино
4. При коммунизме исчезнет борьба человека против человека
5. При коммунизме бытовые материальные блага утратят свою значимость
6. При коммунизме каждый человек будет полноценен в смысле своего кругозора, знаний, умений, стремлений

Свойства, как легко видеть, довольно фантастичны. Но если вдуматься и понять стоящий за ними смысл, то станет предельно ясно: фантастичность — кажущаяся. Действительно, для реализации всего этого необходимы изменения в психологии, но речь не идёт о каких-то невероятных и невозможных изменениях. Напротив, практически в каждом есть все требуемые качества, единственно, они пока не у всех развиты достаточно хорошо.

Более того, коммунистические закономерности уже имеют место быть в наших отношениях. Но распространяются они пока ещё не на всех, а только на ближайшее окружение человека. То есть, для коммунизма нужно, чтобы «ближайшее окружение» выросло до масштабов всего народа. Да, это сделать непросто, но возможно.

Вот смотрите: в обществе друзей вы вполне обходитесь без денег. Конечно, при совместном походе в магазин могут присутствовать некие взаимные денежные расчёты, но в этом случае ведь в отношения вводится третья сторона. Сторона, выходящая за пределы «ближайшего окружения». Вне же третьей стороны денежные расчёты отсутствуют. Отсутствует даже анализ денег — никто не фиксирует, кто кому сколько раз помог и в каком объёме. Никто не пытается стянуть с друзей что-то в обмен за исполненную им песню или нарезанные помидоры для салата. Никто не машет перед носом справками, в которых написано, что в прошлый раз он в квартире друга заколотил в стену десять гвоздей, поэтому пусть теперь друг ему что-то возвращает.

Если вы доверяете людям, то вам не нужны какие-либо обещания с их стороны. Вам не нужен универсальный эквивалент, который побудит Васю помочь другу Пете в том же размере, в котором Петя помог их общему другу Коле, чтобы Коля когда-нибудь потом помог Васе.

И при этом, помогая друзьям, большинство людей вовсе не чувствует себя обманутыми. Даже если ответная помощь придёт к ним через неопределённое время или не придёт вообще. Поскольку за всем этим стоит иной принцип: надо помочь другу, который нуждается в помощи. Всё. Этот принцип не содержит в себе какого-либо намёка на эквивалентный обмен. Обмена как такового просто нет. Есть негласное соглашение помогать нуждающемуся. Точнее даже, не нуждающемуся, а тому, кому видимо требуется помощь. И при этом человек, как ни странно, помогая, даже получает от этого удовольствие.

Таким образом, если каждый член общества будет видеть всех остальных своими друзьями — даже тех, с кем он не знаком, — то необходимость в деньгах отпадёт. Отпадёт даже необходимость в каком-либо протоколировании сделанного. Все и так всем будут помогать. В том числе — заочно. Ведь люди зачастую помогают своим друзьям даже тогда, когда друзья не в курсе, что им помогают.

Возможно ли такое? Может ли человек видеть друзьями тех, с кем он не знаком?

Ну, мы же помогаем упавшему прохожему встать. Оказываем помощь раненым. Они все для нас — незнакомцы, но это не останавливает нас. Некоторые негласные соглашения уже действуют. В некоторых отношениях мы ведём себя по отношению к незнакомцам как их друзья. И нет никаких принципиальных помех для расширения их списка.

Многие спросят: а как быть с распределением? Как сделать так, чтобы тот, кто не работал, и не ел тоже? Как сделать, чтобы кто-то один не загрёб себе вообще всё, лишив остальных даже крошек?

Отвечаю: рассуждайте с той же позиции. Все — друзья. Вы же, когда ваш друг голоден, не сжираете в одиночку всё содержимое холодильника. Даже если друг не видит. Даже если он вообще сейчас в другом месте, но вы знаете, что он придет. Какой-то внутренний голос ведь говорит вам: надо, чтобы и другу тоже хватило.

Оказавшись в вагоне поезда, вы не занимаете всю лавку, хотя и могли бы это сделать. Нет, вы подвигаетесь, когда появляется ещё один человек, которому не хватает места. Иногда даже встаёте и своё место уступаете. И это всё — добровольно, безо всяких взаимозачётов. Без шансов на то, что этот человек вам когда-нибудь это место вернёт.

Но, самое интересное, вам ведь его действительно возвращают. Когда вам плохо — уступают место вам. Когда вы упали — вас поднимают. Совершенно не те люди, которых когда-то поднимали вы. И без универсального эквивалента помощи, регулирующего её оборот.

Безо всякого эквивалента ваши друзья ровно так же делятся с вами тем, что есть у них. Посторонние ровно так же не зани-

раций, которые помогают действу на сцене, но не в состоянии его собой заменить. Спектакль можно играть и без декораций, но декорации без спектакля — увольте. Кому такое надо?

Иногда ошибочно полагают, то коммунизм будет связан с отказом от материальных благ. Что все люди превратятся в аскетов и будут довольствоваться тряпкой для прикрытия наготы и куском чёрного хлеба для утоления голода. Но нет, смысл в ином. Коммунизм как раз наоборот даст людям столько материальных благ, что они в глазах людей утратят какую-либо ценность.

Материальная сторона жизни станет само собой разумеющимся. Горожанин, например, сейчас не восторгается тому, что в его квартире есть электричество. Не живёт мыслью: «мне бы его ещё больше». Он электричество просто не замечает. Надо включить свет — нажимаешь на выключатель. И всё. Никакого пиетета. Вот так же при коммунизме будет и со всем остальным. За материальным не надо будет бегать, не надо будет добывать к нему средства. Обладающий чем-то материальным не будет иметь какого-либо бонуса в глазах окружающих. И это самое убьёт всякую тягу к накоплению благ. Чего их копить, если можно просто пойти и взять когда надо? А когда не надо — просто отдать обратно, чтобы взял тот, кому надо?

Многие пересказывают страшилки, в рамках которых при коммунизме будут общие зубные щётки. Дескать, вот она — мечта коммунистов. Но вдумайтесь, что именно вас тут пугает? Ведь не то, что кто-то воспользуется вашей вещью — такое как раз происходит в регулярном порядке. А то, что будут нарушены правила гигиены.

Если наступит коммунизм

мают все места, а оставляют место и для вас.

Теперь расширьте эту мысль: плоды вашего труда — это то самое, чем вы делитесь с вашими друзьями. Незнакомыми вам, но, тем не менее, готовыми отдавать плоды своего труда вам, не требуя расписок и всего остального. Просто лишь в рамках негласного договора: бери только нужно, думай о других, которым тоже что-то нужно, делись с другими, трудись, чтобы делиться с другими. В миниатюре это уже работает. И, я уверен, мы когда-нибудь научимся жить так, чтобы это работало в полном объёме.

Именно таким образом при коммунизме люди будут обходиться без денег. И прекрасно себя при этом чувствовать.

Лучшее объяснение сути коммунизма: он — общество дружбы всех со всеми. Почти все его характерные черты довольно хорошо понятны, если держать в голове эту концепцию: «все члены общества — друзья».

Так, атмосфера дружеского доверия делает государство как аппарат принуждения не нужным. Друзей ведь к дружбе склоняет не суд и не милиция. И для того, чтобы друзья вели себя по-дружески, тоже не милицию вызывают. Фактически, от «государства» остаётся исключительно та его часть, которая отвечает за координацию усилий. Ну, как если пять человек собираются поднять бревно, то кто-то должен дать знак «поднимаем». Вот этот кто-то в данном случае и есть коммунистическое «государство». Причём, он даже никакими особыми полномочиями не наделён. У него нет в руках пистолета или даже дубинки. Есть лишь делегированное по всеобщему согласию полномочие сказать: «раз-два, поднимаем».

По сути дела, когда «поднимать» не надо, этот человек даже и не нужен на такой роли. По сути дела, координатора вполне можно «призывать» только под отдельную задачу.

Конечно, те, кто по общему мнению с координацией справляются лучше, будут «призываться» чаще, но это не значит, что на них сойдётся свет клином. Ведь не стоит забывать: коммунизм во многом определяется тем, что каждый человек — полноценен. То есть, каждый по зову собственного сердца занимается образованием, развитием себя и помощью в развитии окружающих.

Это тоже звучит довольно фантастично, однако, следует заметить, такие люди уже и сейчас есть, причём, в довольно заметных количествах. Более того, почти каждого можно побудить к подобного рода жизни — так сладко познание, так приятно развитие. Свершённое воодушевляет так, что на его фоне какой-то там бутерброд со ста сортами колбасы — что песчинка на фоне Эвереста. Открывший новый физический закон, поверьте, не променяет такую возможность даже на всю колбасу мира. Оно только заочно кажется «чего такого», а стоит раз удачно что-то подобное сделать, мгновенно приходит понимание, что к чему.

Именно поэтому материальные блага при коммунизме будут чем-то вроде деко-

Именно это кажется вам отвратительным — а не пользование вашей вещью. Но с другой стороны, вы совершенно не переживаете, когда ваши друзья спят на вашем постельном белье, оставшись у вас в гостях, вытираются вашим полотенцем, едят с ваших ложек и пьют из ваших стаканов. Просто потому, что потом всё это пойдёт в мойку и стирку, тем самым очистится.

То есть, в страшилке, специально подобран единственный, наиболее отвратительный, тенденциозный пример. Зубная щётка, которую отмыть дочищать крайне тяжело, но вы её каждый день суёте себе в рот. Что, кроме означенной зубной щётки вообще могло бы быть подставлено в эту страшилку? Да практически ничего. Ну, бритва, ну, расчёска и то уже не факт. Одноразовые, например, вполне решили бы проблему. А больше ведь и нет примеров.

Именно потому в страшилке — она, зубная щётка: напугать вас просто больше нечем. Ведь даже «отдать последнюю рубашку» — это уже стабильно положительная ассоциация. Да, рубашка своя. Да, её будет носить другой. Но и для дающего и для получающего это — правильный, достойный поступок.

Если мы едим с тарелок в ресторанах, с которых до нас ели тысячи людей, если мы надеваем в буллинге обувь, которую до нас надевали тысячи людей, то чего уж вообще может быть страшного в общественном пользовании? С большинства вещей мы не едим и не носим их на себе. Потому для них вопрос чистоты ещё менее значителен.

При этом, мы смотрим сквозь пальцы даже на то, с чего едим. Чего страшного в том, что у вас не будет собственного сервиза, а будет некоторое количество общих, которые вы можете взять, когда надо? Ведь они будут столь же чисты, сколь чиста посуда в ресторанах, не меньше. А в вашей квартире станет больше места: ведь там не надо будет хранить персональный набор всего на свете и ещё вдобавок запасной — на тот случай, если первый внезапно испортится.

Ведь свой собственный хранится лишь по двум причинам: первая — гигиеническая, про которую шла речь выше, и вторая — «вдруг будет надо, а мне не хватит». Но если всегда хватает, то и вторая причина потеряет всякий смысл. В вашем личном пользовании останется только то, что вы используете регулярно — ваш компьютер, набор одежды, музыкальный центр, а всё остальное — столы и стулья для гостей, посуда на тридцать гостей, комбайн и стиральная машина — уже не будут занимать место в вашей квартире. Но как только вам понадобится, вы возьмёте это прямо в спец-помещениях вашего же подъезда. Ну, в крайнем случае, вам это через двадцать минут подвезут из другого места, если уж возник внезапный эксцесс.

Страшно ли это? По-моему, нет. Мне наоборот страшно от того, что каждые три-четыре месяца я выбрасываю кубометр ненужных вещей, а их всё не становится меньше.

Когда я отправляюсь в поездку, я собираю рюкзак. Небольшой рюкзак — гораздо

меньше стандартной туристической сумки. И каждый раз при этом я думаю, что вещи в этом рюкзаке — фактически всё, что мне нужно для жизни. А если бы мне на месте могли бы выдать белёе и футболки, то я бы обошёлся даже третью этого самого рюкзака. А с ноутбуком и фотоаппаратом напрокат я бы мог поехать вообще с пустыми руками. Ведь даже в маленьком рюкзаке расположено то, что я гипотетически мог бы получить прямо на месте своего пребывания.

Это ли, спрошу я вас, не свобода — возможность ехать куда угодно без вещей вообще и быть уверенным, что там, куда я приеду, у меня будет всё, что мне может понадобиться? Действительно ли это — ужас или же, наоборот, — пока ещё не воплощённая мечта?

Понимая коммунизм как общество дружбы, мы видим, что в нём действительно общественное и частное сливаются воедино. Материальные блага одновременно существуют не в виде отказа от личных благ в пользу неких абстрактных общественных, а в ипостаси, представляющей собой и личное и общественное одновременно. Тут нет борьбы противоречий, тут есть их синтез. Хотя каждая вещь не принадлежит кому-то конкретному, но у каждого есть все вещи, которые потребовались ему в данный момент. Кроме тех, которые подразумевают владение: ни у кого нет личного курорта, вокруг которого он может построить забор и никого туда не пускать, но у каждого при этом есть курорт. Точнее, есть десятки тысяч курортов. Столько курортов, сколько он за всю свою жизнь не объедит.

И ровно так же происходит с отношениями: нет личного счастья. Каждый счастлив, не когда лично он сыт, но когда сыты и все его друзья тоже. Всё население.

Поскольку же так у всех, то никто не будет счастливым, пока лично ты голодаешь. Поэтому и ты тоже будешь сыт. Чтобы ни случилось, тебе помогут: ведь при коммунизме счастье — общее.

А раз так, то нет борьбы человека против человека. Ведь побеждая кого-то, ты сам

же лишаешь себя счастья. Ты можешь обогреть человека в карты — ибо ставкой там был интерес, но не можешь обогреть человека в жизнь. Вы с любым человеком должны быть счастливы одновременно или не будете счастливы вообще. Именно поэтому ты поделишься рубашкой или куском хлеба, лекарством или местом в транспорте. И ровно поэтому так же поделится с тобой. Люди не отнимают друг у друга, а делятся. Точнее, даже не делятся, — хватает ведь на всех, если не грести всё под себя, — люди просто под себя не гребют.

Сейчас у человечества уже достаточно мощностей, чтобы обеспечить каждого не только всем необходимым, но и даже всеми предметами разумной роскоши — пищей ресторанного качества, бытовой электроникой, отдыхом на курортах, культурным досугом и так далее. Без необходимости же делать каждому множество персональных экземпляров и, вдобавок, с ростом производительности труда, благодаря коммунистическим производственным отношениям, материальных благ на каждого хватит за глаза.

И тогда на смену материальным ценностям неизбежно придут ценности иного рода. Возможность творческой и научной самореализации. Точнее, не «само», а реализации себя в коллективе. В коллективе, который живёт тем же, чем живёшь ты, которому не плевать на твою работу, который так же жадно тебя слушает, как ты про неё рассказываешь. Который так же жадно рассказывает про неё сам. Который учится у тебя и помогает тебе учиться.

Ты видишь своим достижением не покупку нового коммуникатора самым первым из всех его купивших, а то, что ты спроектировал фрагмент того корабля, на котором человечество долетит до ближайшей звезды. Что ты открыл тот физический закон, по которому спроектировали фрагмент этого корабля. В том, что ты поставил спектакль, который люди с интересом смотрят. Что твою песню поют малышки, собравшись вечером с гитарами в парке перед тем домом, где ты живёшь. И в том, что именно ты вместе с другими сделал этот парк.

Уверю вас, слышать свою песню из уст других — такое счастье, в сравнении с которым какой-то там свежеекупленный коммуникатор — вообще ничто.

Ты уже радуешься не потреблению, а пониманию того мира, в котором ты живёшь. Тому, что ты сам же строишь этот мир. Тому, что ты расширяешь пределы человеческих возможностей. И тому, что вместе с тобой это же самое делают все остальные.

Коммунизм — это не отказ от личного блага. Это превращение личного блага в благо общее. Именно в том смысле, который я описал выше. Это не отказ от личного счастья, а превращение личного счастья в общее. Это не серость бытия, а познание и творчество. Это интереснейшие, грандиознейшие проекты. Это — частица тебя в каждом и частица каждого в тебе.

P.S. Желаящие, само собой, могут разоблачать все вышеперечисленное как человеконенавистническую коммунопропаганду.